

ВЛАДИМИР ХРУЛЁВ

Гладиатор

Владимир Хрулёв

Гладиатор

«Издательские решения»

Хрулёв В.

Гладиатор / В. Хрулёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748721-8

В истории разве не так — когда диктатура чуть ли не тиранство, а диктатор в роли Гладииатора готов к защите лжи, коррупции, беззакония на арене цирка под рукоплескания неразборчивого плебса. И ему нравится эта роль Гладииатора, убийцы, готового убивать и быть всегда в спокойствии. Читайте и поймите меня.

ISBN 978-5-44-748721-8

© Хрулёв В.
© Издательские решения

Содержание

1	7
2	12
3	15
4	17
5	28
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Гладиатор

Владимир Николаевич Хрулёв

© Владимир Николаевич Хрулёв, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обыватель долго кружил вокруг дома и ему не нравилось происходящее в атмосфере. Зима была тёплая как никогда – на крещение морозами и не пахло. И весна не задержалась с приходом, но так не задержанная и простояла у самого входа в лето – ни то и ни сё, ни лето не наступало, ни весна не уходила. Долго по такому холодному лету не погуляешь и пришлось обывателю бежать к себе в квартиру и простоять у покосившегося окна до самого вечера – пропустив рассвет, видеть как малые птахи, синицы, суетятся под окнами на ветках кустарника, увидев в наступающем дне наступивший туманный рассвет.

Одев на себя тёплый китайский халат, обыватель маленького северного городка России подошёл к окну и раздвинул тяжёлые шторы на обе стороны и снова заметил как покосилось окно, как появились новые трещины на стёклах – какая бы весна ни была холодной, но мерзлота оттаяла и дом стал неравномерно приседать и его жители уже неоднократно добивались от властей ремонта. Но тщетно.

Сквозь затянутые трещинами оконные стёкла обыватель вспоминал в себе свои мысли об Олеге, Ольге и Игоре, об их встрече с дикостью славян и его эти мысли не покидали никогда. Он был увлечён темой славянства и образованием славянского государства варяжскими «гостями». И сей час ему виделось сквозь паутину стёкол как по тропе противоположной сопки спускается женщина в белом, ведущая под уздцы белую лошадь.

Он знал, что это была Ольга, варяжская правительница славянского племени полян, супруга князя Киевской Руси Игоря. Но ему никак не удавалось рассмотреть её лицо и одежды. Только виделись прекрасные, природной красоты очертания молодой женщины в светлых одеждах.

Спустившись по тропе с сопки, они остановились перед преградой – в трёх шагах бушевала речка Орто-Сала не в своём русле, а направленная старателями куда надо им, по всей ширине распадка она извивалась змейёй – то к одному борту полигона, то к другому. Прекрасная лошадь, под стать своей владелице, на цирковой манер вдруг опустилась перед хозяйкой, предоставив ей себя в распоряжение и когда Ольга уселась поудобнее осторожно встала и победно заржала.

Обыватель этого городка по имени Игорь Дмитриевич Солодовников наблюдал правительницу Ольгу и её белую лошадь с замиранием сердца и приближал к себе эту сказочную картину, а отвлёкшись от видения, как всегда, терял в себе самое дорогое – древнюю империю славян, Киевскую Русь. И не мог понять её последних лет, «исторических» – в каком то режиме, похожем на диктаторский раба, узурпировавшего власть. Но не терял надежды уяснить его суть, поделившись своими сомнениями с людьми.

А где же волк? Обыватель не заметил его на крутой тропе сопки, по которой спускалась белая кобылица с варяжской красавицей в седле, оставляя за собой облачко серой пыли и в этом облачке, преодолевая крутизну тропы, спускался следом, не различимым в узкой тропе среди пожухлой травы в приближающейся осени волк, точь в точь такой же, как когда то был в услужении у Ольги, с особо густой шерстью, образующей воротник и чёрную полосу по хребту, с лисьим хвостом и белозубо клыкастый, но мило улыбающийся своей компании.

Культ волка очень древен и сложен. Вероятно, для древних славян-земледельцев волки были очень полезны весной, когда всходили яровые хлеба и лён, а в лесных чащах было много рогатой мелочи (косули, дикие козы, серны), оленей, кабанов, причинявших огромный вред

посевам; волки на открытых пространствах засеянных нив легко ловили эту живность, оберегая тем самым поля от потравы. Возможно, это и была одна из причин, по которой волк в народном представлении стал связываться с плодородием; другой же причиной могло быть древнейшее представление тучи в образе волка. При этом связь волка с урожаем сохранилась и при христианстве; так, например, сербы полагали, что волк приносит удачу и даже специально может предсказывать урожай, а встреча с ним и у восточных славян считалось доброй приметой. В облике волка иногда представляли себе духа нивы, хлеба: например, когда хлеба колыхали ветры, в некоторых местах говорили: «По хлебам проходит волк», «Ржаной волк бежит по полю», и т.д.; а детей, посылаемых в поле рвать колоски и васильки, предостерегали: «В хлебе сидит волк, – он разорвет вас на кусочки», «Смотрите, придет ржаной волк и вас съест» и т. п. В некоторых местах считалось даже, что волк прячется в последнем снопе хлеба, сам такой сноп изредка называли «Ржаным волком». Или детская убаюкивающая песенка: Придёт серенький волчок, он утащит (укусит) за бочок. Как видим, культ волка у славян присутствовал как элемент быта и культуры.

Поэтому и жалко оставлять в неизвестности сопутствующего нам столетиями дикого красавца с его довольно разными качествами – как у человека всего намешено: боец, храбр и не заботится даже сильнее его и опасней, умён и сметлив, терпелив на охоте и в голодный год, живуч, его ареал занимает от Арктики и тундры до лесов, степей и тропиков.

Здравия ему и благодатных лет в его трудной жизни.

1

Воспоминания отчасти похожи на собственные похороны, правда, после похорон кого то из родственников, или друзей, или просто уважаемых людей вегетативная нервная система всё-таки успокаивается. Но если воспоминания приходят словно неотвязный сон и ты проживаешь этот сон вживую ещё раз, то твоему успокоению не будет найдено оснований сказать: слава богу, это лишь сон меня будоражит и вгоняет в холодный пот. А в жизни то всё спокойно, Карибский кризис хоть и пронёсся ураганом, но не задел людей и не пролил крови ни капли. И ты спокоен, как и прежде. И продолжаешь жить на белом свете, как у Христа за пазухой. Будем помнить об этом: воспоминания похожи на собственные похороны.

Подзабытое время Карибского кризиса заставляет вспомнить не только Никиту Сергеевича Хрущёва, но и его сподвижников, которые во власти не числились напрямую или непосредственно, но окружали его своим профессионализмом и надёжностью. К такому окружению относились его помощники Шуйский, Лебедев, Шевченко и, конечно, дипломат со сталинских времён Трояновский. Никита Сергеевич и Трояновский уважали друг друга и верили в дружбу и не могли заподозрить друг друга ни в чём и часто Генсек просил у дипломата и своего помощника совета и простого человеческого участия как старые соседи на одной улице. Жаль, но мы их не рассматриваем, как героев нашего романа, мы просто упоминаем их добрым словом. Неужели некому открыть рот в Думе, или в Союзе писателей, или в Союзе кинематографистов, или кому то на каналах ТВ, например, тот же Никита Михалков мог рассказать. Так ведь не возьмётся никто – тема не выигрышная. Сам Никита Сергеевич, Хрущёв, конечно, человек не выигрышный в плане ведения с ним личной дружбы. Но речь не о них.

А вот кризис на Донбассе! Не иначе, что оба они, и Карибский, и Донбасский, возникли в мыслях у людей и подхваченный каким то движением, этот объём нечистот из канализации несётся по заданному руслу, неся и растягивая за собой зловоние и мёртвенную мерзость. И власть совета ни у кого просить не будет как остановить это зловоние.

Без человеческой мысли здесь не обойтись. И мы убеждаемся, что она материальна и ощутима. Ещё в детстве, когда только что был взят Сталиным Берлин, все мальчишки играли в игру, которая называлась известно – «захват земли». Случайно ли это? Но эта игра так и называлась – «захват земди». Рисовался на земле круг величиной в зависимости от количества играющих и от этой зависимости делили кпуг на сегменты. Играли одним ножом, принадлежащим кому то из играющих, он же и начинал игру. Втыкал нож в соседний сегмент и присовокуплял кусок соседней земли к своему по линии, которую проводили по совпадению с плоскостью ножа – штыка. Выигрывал обычно тот, у кого земля была каменистая – нож не воткнуть, а у кого податливая, естественно, проигрывал. Что бы оттяпать кусок земли, нужно не только воткнуть нож, не только протянуть линию, определяющую новую границу твоей земли, но и дотянуться до той точки, которая и определяет новую границу. Если не дотягиваешься, ход передаётся другому. А если мальчик проигрывал «свою» землю, то он имел право не сдаваться до тех пор, пока его кусок земли не уменьшится до величины, на которой невозможно устоять двумя ногами. Тут и наступает капитуляция.

Не с этого времени зародилась подлость, но и в то героическое время её было достаточно, что бы вонзить другу-недругу нож в спину чисто вымытыми руками с выражением на лице спокойном, буд то только что проснувшегося человека от приятного и какого то интимного сна.

Давайте представим, что просто уличный мальчик, проиграл в этой уличной игре за маленький кусочек земли, который и территорией назвать как то – не назовёшь. Только «захват земли» в детской толкотне вокруг очерченного круга. Дети так играют. Но так играет и власть. По-детски, жестоко и безумно. Не по – взрослому.

Уже мальчик Вова однажды во время такой игры рассмотрел на соседнем сегменте очерченного земельного круга у соседского мальчика Пети кусочек земли и захотел его приобрести путём захвата, вонзив в него свой нож, поскольку играл первым в очереди как сосед и как обладатель красивого ножа. Мальчик Петя оторопел от прыти мальчика Вовы и пока тот стоял раскрыв рот от этой по-детски глупой аннексии своей земли, как мальчик Вова приготовился вонзить свой нож ещё раз в другом месте.

Но что то случилось в каком то мире, не подвластном ему ни мыслями, ни делами, где подобное решается. И он не увидел той земли, названной кем то во всеуслышание Новороссией и похожей в очерченном круге на колбасину, лежащую в витрине «Елисеевского» как варёная «Московская» по цене 3 рубля 30 копеек. Бавало мальчик Вова опоминаться и снова становился собой, не боясь предрассудков в лице других мальчиков по имени Барак, Борис или Саша Он понимал, что выдал себя на обозрение, предъявив глупые претензии на чужие земли, но уже не мог остановиться в своих фантазиях.

Гладиаторы не правят. Гладиаторы бунтуют против правителей, жестоко им мстят и неминуемо погибают в своём мщении. Гладиаторы убажуют толпу, гладиаторы низшее сословие в самых низах Древнеримского общества, по своей низости они не уступают никому, ни женщинам, ни иностранцам, ни вольноотпущенникам.

Гладитатор – раб среди рабов, Гладиатор ниже всех рабов. Однако, он, Гладиатор, предназначен убивать, что бы сохранить свою жизнь. Он, сам ждущий смерть постоянно и, как правило, встречающий её в схватке с друзьями-гладиаторами. Но! Он предназначен убивать.

И умереть на глазах у публики в Колизее.

Но, однажды Гладиатор, сражённый insultом в бассейне, лежал на резиновой дорожке у бортика и ожидал когда войдёт в бассейн леворадикал, вроде Заура Дадаева, и улыбаясь почеченски и что то гортанно приговаривая, покатит его как срубленное дерево в воду. И раздается всплеск воды над тихой гладью бассейна. А у Гладиатора нет сил бороться за жизнь, он может только приостановить дыхание и терпеть до прихода спасения. Но Гладиатор не мог выпить столько воды, что бы спасти себе жизнь – объёмом в 2500 куб. метров. Он кого то или чего то ждал, как всегда ждуд чуда перед смертью.

Он уже пережил эту ситуацию с появлением киллера – леворадикала, убивающего его ни за что, просто за то, что он буд то бы федерал. И тот же Заур Дадаев, сепаратист и тррорист, вошёл в бассейн через эту дверь, ведущую из бассейна в душевую. Гладитатор хотел что то наговорить обидного этому командиру взвода из батальона «Азов», но членораздельной речи ему извлечь из себя не удавалось. Он мог только мычать или реветь по звериному. А чеченец стоял над ним, маленьким и жалким, похожим на ребёнка, с перекошенным постаревшим серым лицом, похожим на Гуинплена, и почти без волос. Чеченец жестоко улыбался, осклалившись всеми крупными, здоровыми жёлтыми зубами. И в противность Гладиатору сам был похож на Щелкунчика.

И Гладиатор поначалу убоился жестокого взгляда чеченца, но по давней привычке поймал его взгляд и своим взглядом, натренированным в недолгой службе разведчиком, как выстрелом из пэ-эм, остановил киллера. И у него отлегло – он жив и будет ещё жить назло всем, и друзьям и недругам. И не позволит свою наступившую так неожиданно болезнь превращать в борьбу за власть. Он не Иосиф Виссарионович Сталин, не окончит свою жизнь среди оборотней беспомощным и жалким. И не передаст своей власти никому и ни за что.

Гладиатор лежал и думал, как мало он прожил во власти, в настоящей реальности властвовать над людьми, над их мыслями, над их жизнями и не забывая о чеченце, что стоял над ним в маске из жёлтозубой улыбки, совершенно спокойно перевёл свою мысль на себя и увидел себя со стороны в уже давние времена. Но воспоминания о своей жизни явились для Гладиатора как процессуальный документ – явка с повинной. И сам себе не поверил – неужели

я для России что то нагадил? Неужели присоединением Крыма? Как жаль! А мысль работала без тумана в голове, без чёрного беспамятства. Россия – это уже гнилая, прогнившая полностью половая доска сороковка из сибирского кедра, жаль, конечно, но куда и ни во что уже не годная. Коррупция её изъела до неузнаваемости, до бесполезности чаяний о ней, оставила от себя лишь территорию, да название, полученное когда то в древности от варягов – Россия. И Сибирь – это уже не варяжское наследие. Правда, Россия была и империей – Российской (царской) и Союзом Советских Социалистических Республик. Но основой в этих империях служила всегда Россия. Основанная варягами и славянами по какой то необъяснимой исторической спайке территорий и людей.

Гладиатор стал впадать в беспамятство и не мог предотвратить этого на глазах у чеченца. Он разлепил глаза – чеченца рядом, слава богу, не было.

И вдруг полилось в воспоминаниях, как из ведра: Крым и его личная, персональная роль в аннексии полуострова. Он вспоминает:

«Да, да. Это было моё личное преимущество, мои личные придумки перед украинцами, перед их разведкой. Они бездействовали, казалось, что им было всё до лампочки, они уверовали в международное право: сложившиеся границы государств должны быть незыблемы.

А такая уверенность сослужила им плохую службу. «Я занимался аннексией Крыма лично. И потому был уверен в успехе. Не потому, что я всё правильно делал в этой операции, а потому, что я, как первое лицо государства, заставлял исполнителей своим непосредственным участием, не заниматься самоуправством, а исполнять положенное в режиме приказа. А ведь никто не поверит, что до событий на Майдане у меня мысли не возникало об отторжении Крыма, но после Майдана я был вынужден возвращать Крым.

Я был удивлён реакцией в мире да и своей несистемной оппозицией на аннексию Крыма Россией».

Но в глубине души Гладиатор упрекнул себя за излишнюю словоохотливость. Как ему хотелось встать сейчас и выйти из бассейна, подняться на второй этаж и в дежурной комнате постоянного наблюдения за охраняемым увидеть нарушение сотрудников Федеральной службы охраны! Но не мог он встать! И пришлось дальше размышлять: все СМИ – не волнуйтесь! Я появился! Хотя все оппозиционеры, вся говноэлита страны лизала мне все места, куда могла дотянуться. А одуроченному на все времена народу всё по х.., ему что скажут по телевизору, за то и голосует народ, тому и верит. Скажут 84% поддержки, значит так тому и быть. А он с такой то поддержкой лежал и не знал что его ждёт.

Гладиатор с неделю провалился в Геленджике, в Прасковеевке. Не думал, что его затея с неизвестностью так всех рассмешит – не хочешь, так расхочешься. А ведь способ то известный, ещё Грозный Иван прибегал к такому – пропадал длительно в селе Воробьёве и видел из недалёкого небытия кто как себя ведёт, активен ли, разговорчив ли, предприимчив ли. И вообще приучить народ к непредвиденным поступкам правителя – пусть привыкает и объясняться перед ним не придётся. И сейчас увидел среди всего этого поголовья самых подозрительных и самых ненадёжных. А Иосиф Виссарионович вообще служил уже ему примером не первый раз. И можно было сказать вождю спасибо за науку Вся Россия ждала решений от него – Россия всегда ждёт решений своих вождей. Лично от него, что он ещё удумает в своих желаниях. Вот присоединил Крым и сказал, что присоединил к России, как Потемкин Тавриду. И высказал намерение присоединить неизвестную современникам и забытую историками Малороссию, назвав её Новороссией, из значительного числа украинских областей: Харьковская, Луганская, Донецкая, Депопетровская, Запорожская, Одесская. По его словам эти земли издавна российские, так чего же не забирал все разом, а разжёт пожар войны лишь в Донбассе. А округа с ума походила И этот пожар разгорелся бы вне зависимости от «майдана» в Киеве. Скорее война была нужна на обе стороны. Хоть тем, хоть другим. Но первые лидеры не выдержали требований кукловода и были смещены. А кукловод – разве не Гла-

диатор? И вновь поставленные не всегда были молчаливы. Так они не подчинились требовательному желанию Гладиатора не проводить референдума – и провели его. И в связи с этим. На референдум в Крыму, кукловод ссылается – он видит в этом изъявление желания народа; а референдум в Донбассе для него как был нежелателен, так и остаётся умалчиваемым. Ясно, что кукловод ведёт двойную игру. Но этот кукловод никому не известен. Но у нас перед глазами Гладиатор, о нём мы и постараемся вести речь.

Ясно и то, что кукловод имеет в определённой степени влияние на ополченцев, если ему удалось «повлиять» на представителей Донбасса и они подписали соглашение под именно его влиянием, как поведала миру канцлер Меркель. Отсюда. Не все ли шестнадцать часов он их уговаривал? Отсюда. Не он ли стоит за войной в Донбассе, как сторона, участвующая в конфликте? Или: не Россия ли воюет с Украиной руками населения Донбасса? Если, конечно, в Донбассе нет российских войск.

Так это мы глубоко не копались в намерениях Гладиатора – кукловода, глубже копнуть – потребуется расследование Следственного комитета и в дальнейшем Брюссельский суд. Только что со временем у нас? Господи! Да мы же живём в другом измерении – у нас наступил 2020 год! Нас интересует только Гладиатор, без кукловода. Это пока, это то, что нам под силу.

Но его угнетало всегда – он не патриций, он всего лишь гладиатор в Колизее, а это больно, хоть для России он всего лишь гладиатор из рабов. Причём далеко не спартаковского уровня. Римский Патриций – вот что прельщало. И его занимало больше, как убедить людей, что он не плебей, а скорее Патриций, поскольку к патрицианству причисляются римляне, в нашем случае русские, которые могли доказать проверкой их родословность до первого Сената, установленной Ромулом. То есть, установленной Лениным в первые дни Октябрьской революции. А что он мог представить в доказательство своей родословности? Жалко сказать – но ничего. А если и доказывать, то только обратное. И хорошо, если удастся доказать простое гражданство. То есть простое плебейство в пролетариях. Он даже задумывался, не лучше ли чувствовать себя не гражданином, а среди неграждан считать себя иностранцем (из варваров) или вольноотпущенником (из рабов).

И быть среди вольноотпущенных рабов самым знаменитым, знаменитей чем Спартак. Мятежным на весь мир и создать интеллектуальную империю из рабов и покорить весь мир новым международным правом и новой экономикой с новой валютой и новыми экономическими законами.

Его можно бы признать за сумасшедшего, коли мысли его были подтверждены практически аннексией Крыма и войной в Донбассе. Да кто же признает! Если он не даст себя диагностировать и если на руках у него атомное оружие и если он окружён такими же идиотами из «Голубой России», «Счастливой России», ПЛДР имени Жириновского. Калигулу тоже считали сумасшедшим и долго терпели его алчность, его убийства ради собственного спокойствия во власти, его сожительство с родными сёстрами, из – за собственного обожествления, из-за отношения к любимому коню Инцитату.

В Сенат Калигула коня привёл,
Стоит он убранный и в бархате, и в злате.
Но я скажу, у нас такой же произвол:
В газетах я прочёл, что кони есть у нас в Сенате.

Он женил Инцитата на видной кобыле по имени Пинелопа. Он сделал своего коня гражданином Рима, затем и сенатором. И намеревался сделать его консулом. Но не успел – Калигула был убит. А разве не нуждался он в другой жене, публичной, как его Инцитат получил видную кобылу из рук Калигулы, публичную, в переводе на человеческий язык.

Но это хоть и пример, но очень далёкий и оттого кажущийся нереальным.

А у нас где то рядом, надоевший нам Гладиатор, появившийся в своём пространстве – и все с облегчением вздохнули: Он живой? Он не растение после инсульта? Он не овощ и не Ленин из Мавзолея? Может на людях показаться? И может слово вымолвить? И мы отвечаем любопытным: выжил, в лёгкой степени инсульта, на людях показаться может, но не хочет – взгляд остекленевший и правую ногу приволакивает некрасиво, слово вымолвить то же может, но только пару, не больше. А в основном – всё хорошо. всё хорошо, рукопожатие крепкое, Шёл 2020 год. Тогда это было. По правде сказать, уж не упомянуть тех времён.

Это всё по вопросу болезни Гладиатора. А по поводу пропажи какого то Гладиатора или Раба с греческих галер, то это только к нему и персонально. Эта его болезнь, как ни крути, как не изворачивайся – это его болезнь. Он болен!!! А если болен, то почему то никто не заплакал о реальном его отсутствии на политическом пространстве. Так или иначе, информация о болезни Гладиатора ли Раба с галер заставляет задуматься, где он находился всё это время и в каком состоянии. Во всяком случае пресс-секретарь Гладиатора (Раба с галер) по имени Оруженосец опроверг информацию о болезни Раба и заодно и информацию о рождении у него ребёнка от наложницы, с которой чернь уже длительное время связывает его отношения. А вы, читатель, разве не заметили как притихли адепты. И был слышен один голос Оруженосца: жив и здоров! Работает с документами.

Бывший его действительный доверенный Оруженосец из немцев, Альфред Гот, высказал мнение о том, что Гладиатор на определённое время затих, вроде как поглупел от задуманного и что бы принять обдуманное и неспешное решение своего поведения, он перестал дышать. А. Гот говорит: Гладиатор сидит в Геленджике как сыч. Злой как чёрт. Не понимает что ему делать дальше. У него нет вариантов играть ни по Украине в целом, ни по Донбассу, ни по Рамзану со своими силовиками. Уже невозможно лавировать между всем этим бедламом. Вот и притих в раздумьях, но не хочет понять до сих пор, что власть в настоящий момент не в его руках, Гладиатор с неделю провалялся в Геленджике, в Прасковеевке. Не думал, что его затея с неизвестностью так всех рассмешит – не хочешь, так расхохочешься. А ведь способ то известный, ещё Грозный Иван прибежал к такому – пропал длительно в селе Воробьёве и видел из недалёкого небытия кто как себя ведёт, активен ли, разговорчив ли, предприимчив ли. И сейчас увидел среди всего этого поголовья самых подозрительных и самых ненадёжных. А Иосиф Виссарионович вообще служил уже ему примером не первый раз. И можно было сказать вождю спасибо за науку властвования, если бы здоровье не подводило каждый раз. Здоровье то и говорило ему, что оно у него гнилое. Не иначе. И в этом 2020 году мы видим о нездоровье Гладиатора. Словно не замечали этого ранее.

2

Вместо света какой то сумрак застилал Софийскую набережную и туман с реки застыло, не клубясь, словно театральной декорацией прикрывал темноту Замоскворечья. Было тревожно, тихо и холодно, били куранты каждые пятнадцать минут, разбивая в осколки это застывшее в лёд время, а осколки со звоном падали на землю, но каждый раз всё снова застывало и умолкало, куранты били по времени ещё и ещё раз. Всё снова и снова разносилось по Кремлю, по Красной площади и несло в Лефортово, в Замоскворечье и за спину – вдоль по Тверской, куда то на север, в неохватные лесные дали Коми, оставляя в стороне невские болота.

Невысокий человек незаметным, словно тенью, стоял у чугунной ограды Тайницкого сада над его косогором, редко засаженным низкорослыми яблонями, пытался представить себе как горит Москва от Большого Кремлёвского Дворца за его спиной, а по левую руку полыхает Китай – город, а прямо перед глазами во тьме клубится дымами Замоскворечье.

Кажется, что эту картину он уже видел где то и сейчас чувствовал жар пожарища спиной, как когда то, и лицо его оведал адский ветер от которого было не разлепить глаза, как когда то, и дымный смог перехватывал дыхание и возвращал его в реальность холодной темноты – и не мог вспомнить когда то виденной картины большого пожара большого города. Когда же было это? Что этого не было в его жизни, уже себе не мог поверить. Было это – себе противоречил и себя уверовал, было! Но не французы сжигали Москву и не Москва горела в Смутное время. А он сам сжигал этот большой город, но уже не Москва горела, а где то не в Донбассе и в Крыму горели города и люди, сжигаемые не императором Нероном, а плебеем точь в точь похожим на императора, но, в отличии от него, низкорослым человеком, лживым, честолюбивым и властолюбивым.

Это был неприглядный человек по имени Ленин... Нет, не Ленин, но что то такое или этакое божественное и величественное. Но пока не божественное и не величественное. Пока лишь презрительное – раб на галерах или что почти равнозначно – гладиатор. Он продолжал оставаться у чугунной ограды и ощущать всем своим существом прекрасное видение разрастающегося пожара, впрочем, постепенно он сам не мог воспрепятствовать своему изменению и, в конце концов, согласился с собой и стал ощущать себя римским горшечником Теренцием Максимом, забыв напрочь о своей покинутой супруге, не Кайе, о ней никто не знал, он всегда её скрывал в своих грешных грёзах, а о Людмиле, кажется по фамилии Шкрёбнёва, забыв об имени, каким он мог бы зваться сам – Руслан. И не жалел об этом имени. Это имя его не вдохновляло. А вот пожар его вдохновлял и в этом вдохновении он потерялся и не мог себя назвать – кто же он, сам император Нерон или горшечник Теренций в образе Императора. Эти трое не покидали его в мыслях.

Только легко ли возвращаться к этой холодной Москве из сонного адского оранжевого пожарища и нужно мчать в Ново – Огарёво, собрать всех за одним большим общим столом и объявить им всем презрительное недоверие и строжайше предупредить. О чём? Главное предупредить, а там пусть сами додумывают строгость моих слов. Так он думал о себе, величавом и строгом, но с доброй улыбкой добродушного человека.

Уж коли мы героя книги называем рабом и гладиатором, то давайте окунёмся в древнее прошлое из классики – в Древний Рим. А в нём мы увидим, что:

За время своего существования гладиаторские бои были забавой, наказанием и даже частью политической игры. Гладиаторы вызывали восторг и ужас, их любили и боялись. Но, судя по всему, не презирали. Многие стереотипы о гладиаторах и боях на арене связаны с тем, что они были рабами. Но, однако, как показывают результаты археологических раскопок, а также изучение древних документов, – дела обстояли несколько иначе.

Точная дата появления гладиаторских игр, как способа развлечения в Древнем Риме, не известна. При этом в римских хрониках точно указана дата становления гладиаторских игр как публичного мероприятия. Произошло это в 106 году до н. э. Известно об этом также и из юридических документов. Так, во многих постановлениях римского сената говорилось о том, что с этого момента, все города, имеющие арены, должны были заботиться об их благоустройстве и содержании. Также приблизительно с 106 года до н.э. появляются свидетельства о том, что государство брало на себя все расходы в отношении гладиаторских боев. Из этого следует, что обычай гладиаторских игр существовал задолго до этого.

Само латинское слово «gladiator» происходит от слова «gladius» (меч) и переводится как меченосец. Изучение древнеримских традиций натолкнуло историков на мысль о том, что первоначально гладиаторские игры были чем-то вроде наказания или исполнения судебного решения. Скорее всего, первые игры гладиаторов проводились среди пленников военных походов и преступников, которых обрекали на смерть. Двух человек вооружали мечами и заставляли драться. Тому, кто выживал в бою, оставляли жизнь. По всей видимости, обычай этот появился среди римских солдат, так как римская армия, как и большинство древних армий, имела «традицию» искоренения всего мужского населения в захваченном поселении. Таким же бесхитрым образом солдаты не только решали, кого убивать, но и развлекались. Со временем традиция могла приобрести массовый характер и стать весьма популярной среди всех римлян. Само собой, для подобных игр требовался живой ресурс, и здесь Риму пригодились их «говорящие инструменты». Впрочем, одно дело заставить драться между собой двух обреченных насмерть и совсем другое – организовать незабываемый кровавый способ развлечь толпу. Существовало множество видов гладиаторов. Как правило, они дифференцировались по принципу вооружения и амуниции, а также типу противника, с которым должны сражаться. Более того, римские письменные источники повествуют, что в одном лишь Колизее устраивались постановки легендарных битв и сражений, в которых участвовали десятки, а иногда и сотни гладиаторов. В Колизее даже проводились морские сражения, для этого на арене размещалось несколько декоративных судов, а сама арена заливалась водой. Все это показывает, что гладиаторские игры с 106 года до н.э. отличались не только колоссальными капиталовложениями, но и хорошей организацией. Очевидно, что гладиаторы должны были быть не просто кучкой забитых рабов.

Стоит понимать, что при сравнении боя вооруженных рабов на арене, загнанных туда с какой-нибудь каменоломни, и боя профессиональных гладиаторов, можно найти столько же отличий, как между дракой пьяниц у местного гастронома и боем профессиональных боксеров на ринге. Значит, гладиаторы должны были быть не просто рабами, и об этом свидетельствуют письменные источники. Безусловно, подавляющее большинство гладиаторов были именно рабами, однако для эффективного спектакля подходили лишь наиболее крепкие, выносливые и максимально подготовленные. Кроме того, одних физических данных для подобного мероприятия мало, нужна выучка, умение вести бой, обращаться с определенными видами оружия. Ведь не зря именно вид оружия был одним из определяющих в типе и названии гладиатора. Кроме того, заставить человека драться, даже подневольного, не так уж легко. Да, страх смерти – прекрасный стимулятор, однако ведь на арене гладиаторов также ждала смерть, а значит, должны иметь место и другие стимулы. Успешные гладиаторы, хотя и оставались рабами, получали множество привилегий, число которых росло в зависимости от количества успешно проведенных боев. Так, после первых двух боев гладиатору полагалась личная комната с кроватью, столом и статуэткой для молитв. После трех боев, каждая победа или хотя бы выживание гладиатору оплачивалось. Приблизительно один успешный бой стоил гладиатору годового жалования римского легионера, что по тем временам являлось весьма и весьма приличной суммой. А раз гладиаторы получали за свой труд деньги, то должны были иметь возможность

куда-то их тратить. Раз амуниция и оружие полностью предоставлялись государством или господином, значит место траты денег выходило за пределы арены.

Существует немало письменных свидетельств того, что гладиаторы выпускались в город по специальным документам. Помимо этого, профессиональные гладиаторы не знали ни в чем нужды. Бойцов хорошо кормили, заботились об их одежде и чистоте, им предоставляли женщин и мужчин. После каждого боя выживших израненных гладиаторов обслуживали римские врачи, которые славились тем, что прекрасно справлялись с колотыми, рваными и резаными ранами. В качестве наркоза использовали опиум. Со временем наиболее успешные гладиаторы могли даже завоевать себе свободу, примечательно, что многие даже после этого оставались гладиаторами и продолжали зарабатывать себе на хлеб таким вот образом. С расцветом кровавого спорта в Древнем Риме появляются и гладиаторские школы. Отобранных рабов начали готовить, делая из них настоящие «машины смерти». Подготовка гладиаторов велась уже по армейскому образцу с дополнением в виде обучения владению экзотическими видами оружия, например боя с сетью. После постановления императора Нерона 63 года н.э., к участию в играх начали допускать и женщин. До этого же, согласно письменным источникам, становится известно о том, что в школы гладиаторов начинают принимать и жителей империи, помимо рабов. Если верить римской хронике, то смертность в этих школах была сравнительно невысока, учитывая род занятий, – 1 на 10 гладиаторов во время подготовки. Таким образом, можно сделать вывод, что бои гладиаторов в определенный момент стали чем-то сродни спорту. Интересен еще и тот факт, что судили бой не только император и толпа, но также специально назначенный судья, который нередко мог влиять на решение императора, помогая выжить наиболее эффективным, но поверженным гладиаторам. Из всего вышесказанного можно прийти к выводу, что гладиаторы были скорее профессиональными спортсменами своего времени, нежели просто безвольно загнанной на убой толпой людей. К гладиаторам римляне относились с обожанием. Их знали в простом народе. В те мрачные времена они по своей популярности были сопоставимы с современными поп-звездами. В связи с этим, гладиаторы нередко становились политическим инструментом, целью которого было завоевание любви народа по отношению к будущему императору, ведь Римом всегда правил тот, кого любила толпа. Запрещены были гладиаторские игры лишь в 404 году н.э., в связи с распространением в империи христианства. Сегодня времена гладиаторов стали весьма популярной темой для кинофильмов, а энтузиасты изготавливают из винных пробок копии Колизея. Что и говорить! Тема притягивает до сих пор. И не только тема, но и люди – кто же они, из какой глины вылеплены, какой дух в их тела воплощён. Одним словом, гладиаторы всегда рабы. По разным причинам или обстоятельствам, но всегда рабы – то ли пленные, то ли не имущие должники, то ли преступники. Но всегда рабы, самые низкие рабы при обращении в рабство, социально ниже, чем женщины или сельскохозяйственные рабы. В своей низости они не уступают никому – ни женщинам, не иностранцам (варварам), ни вольноотпущенникам. Следует заметить, что их низость положения их не волновала, была ими не замечена и принималась ими как саморазумеющееся в их обиходе и, больше того, они имели не малый успех в обществе, в том числе у женщин – патрицианок.

3

Альба-Лонге – место, где в последствии будет основан Рим и где правит Нумитор. Нумитору не очень повезло с близким родственником. Его младший брат Амулий люто ненавидел правителя и жаждал занять его место. Благодаря коварным интригам Амулий свергнул Нумитора, но оставил ему жизнь. Однако, Амулий сильно боялся мести со стороны потомков Нумитора. Из-за этого страха по его приказу был убит родной сын бывшего правителя. А дочь Рею Сильвию отправили в качестве весталки в храм богини Весты. Но, несмотря на то, что у жриц не должно быть потомства, Рея Сильвия в скором времени родила мальчиков близнецов. По еще одной из легенд их отцом мог быть бог войны Марс. Узнав обо всем, Амулий сильно разгневался и приказал убить Рею Сильвию, а новорожденных выбросить в Тибр. Раб, выполнявший приказ, понес детей к реке в корзине. В это время на Тибре были большие волны из-за сильного половодья, и раб побоялся зайти в бушующую реку. Он оставил корзину с детьми на берегу в надежде, что вода сама подхватит корзину, и близнецы утонут. Но река лишь отнесла корзину ниже к Палатинскому холму, а вскоре и половодье закончилось. Вода ушла, а мальчики выпали из упавшей корзины и стали плакать. На детские крики к реке вышла волчица, недавно потерявшая своих щенков. Она подошла к детям и материнский инстинкт пересилил инстинкт хищника. Волчица облизала детей и напоила их своим молоком. В наше время памятник волчице установлен в музее Капитолия, он является символом Рима.

Кто воспитал Ромула и Рема? Позже мальчиков заметил царский пастух. Он подобрал детей и воспитал их. Пастух назвал близнецов Ромулом и Ремом. Дети росли на природе и стали сильными и ловкими воинами. Когда Рем и Ромул выросли, названный отец раскрыл им тайну их рождения. Узнав тайну своего происхождения, братья решили вернуть престол деду Нумитору. Они собрали себе по отряду и направились к Альба-Лонге. Коренные жители города поддержали восстание Ромула и Рема, так как Амулий был очень жестоким правителем. Так, благодаря горожанам, внуки смогли вернуть престол своему деду. Юноши полюбили свой образ жизни и не стали оставаться у Нумитора. Они направились в сторону Палатинского холма, к тому месту, где их когда-то нашла волчица. Здесь они решили построить собственный город. Однако в процессе решения: «где строить город?», «чьим именем его назвать?» и «кому править?», между братьями разгорелась очень сильная ссора. Во время спора Ромул выкопал ров, который должен был окружить будущую стену города. Рем же в насмешку перескочил и через ров и через насыпь. Ромул разгневался и в порыве убил брата со словами: «Такова участь всякого, кто переступит стены моего города!». Затем Ромул заложил на этом месте город, начав с глубокой борозды, отмечавшей границы города. И назвал он город в свою честь – Римом (Roma). В начале, город был лишь группой бедных хижин из глины с соломой. Но Ромул очень сильно хотел увеличить численность населения и благосостояние своего города. Он привлекал к себе изгнанников и беглецов из других городов и совершал военные набеги на соседние народы. Чтобы жениться, римлянин должен был украсть себе жену в соседнем поселении. Предания гласят, что однажды в Риме были организованы военные игры на которые были приглашены соседи с семьями. В разгар игр взрослые мужчины бросились к гостям и, схватив девушку, убежали. Так как большинство похищенных относились к племени сабинян, произошедшее стало известно в истории как похищение сабинянок. Благодаря похищенным женщинам, Ромулу удалось объединить сабинян и римлян в одно целое, расширив, таким образом, население своего города. Шли годы, десятилетия и века. Рим развивался и дал основу для самой могущественной из древних цивилизаций – Древнему Риму. Когда Древний Рим находился на пике своего могущества, его власть, культура и традиции распространились на большую часть Европы, северной Африки, Ближнего Востока и Средиземноморья. И сердцем этой государства была Италия. Древний Рим создал основу для развития европейской цивилиза-

ции. Благодаря нему появились некоторые уникальные архитектурные формы, римское право и многое другое. Также именно на территории Римской империи зародилось новое вероучение – христианство. Столица Италии не один раз пережила периоды как упадка, так и возрождения. В этом Вечном городе, стоящем на семи холмах, гармонично соединились различные эпохи с их разнообразием стилей. Древность и современность, определенная свобода и религия создали многоликий образ великого города. В современном Риме руины старинных храмов, величественные соборы, роскошные дворцы соседствуют с рекламой популярных фирм на бигбордах и фасадах домов, многочисленными торговыми точками с их крикливыми торговцами.

Только отвлекись от темы гладиаторства, нагромождаются множество других. Вот и волчица. Пусть легенда, пусть в бронзе, но волк же или пусть волчица! Как в моём избрании! Среди славян так же и среди этрусков, латинян, италиков и галлов Буд то подсказка свыше. Совпадение.

Римская волчица – символ города Рима, скульптурное изображение животного, вскармливającego близнецов Ромула и Рема, по легенде, основавших Рим. Волчицу в Риме с давних пор называют «матерью римлян», а после перенесения статуи в конце XV века в Капитолийский дворец закрепилось название «Капитолийская волчица».

4

За четыре дня до ноябрьских ид (10 ноября) в 675 году римской эры, в пору консульства Публия Сервилия Ватия Исаврийского и Аппия Клавдия Пульхра, едва только стало светать, на улицах Рима начал собираться народ, прибывавший из всех частей города. Все шли к Большому цирку.

Из узких и кривых, густо населенных переулков Эсквилина и Субуры, где жил преимущественно простой люд, валила разношерстная толпа, люди разного возраста и положения; они наводняли главные улицы города – Табернолу, Гончарную, Новую и другие, направляясь в одну сторону – к цирку.

Ремесленники, неимущие, отпущенники, отмеченные шрамами старики гладиаторы, нищие, изувеченные ветераны гордых легионов – победителей Азии, Африки и кимвров, женщины из простонародья, шуты, комедианты, танцовщицы и стайки резвых детей двигались нескончаемой чередой. Оживленные веселые лица, беззаботная болтовня, остроты и шутки свидетельствовали о том, что люди спешат на всенародное излюбленное зрелище.

Вся эта пестрая и шумная многочисленная толпа наполняла великий город каким-то неясным, смутным, но веселым гулом, с которым могло бы сравниться лишь жужжание тысяч ульев, расставленных на улицах.

Римляне сияли от удовольствия; их нисколько не смущало небо, покрытое серыми, мрачными тучами, предвещавшими дождь, а отнюдь не хорошую погоду.

С холмов Латия и Тускула дул довольно холодный утренний ветер и пощипывал лица. Многие из граждан натянули на голову капюшоны плащей, другие надели широкополые шляпы или круглые войлочные шапки; мужчины старались закутаться поплотнее в зимние плащи и тоги, а женщины – в длинные просторные столы и паллии.

Цирк, построенный в 138 году от основания Рима первым из царей, Тарквинием Древним, после взятия Апиол был расширен и разукрашен последним из царей, Тарквинием Гордым; он стал называться Большим с 533 года римской эры, когда цензор Квинт Фламиний выстроил другой цирк, названный его именем.

Большой цирк, воздвигнутый в Мурсийской долине между Палатинским и Авентинским холмами, к началу описываемых событий еще не достиг того великолепия и тех обширных размеров, какие придала ему Юлий Цезарь, а затем Октавиан Август. Все же это было грандиозное и внушительное здание, имевшее в длину две тысячи сто восемьдесят и в ширину девятьсот девяносто восемь римских футов; в нем могло поместиться свыше ста двадцати тысяч зрителей.

Цирк этот имел почти овальную форму. Западная часть его была срезана по прямой линии, а восточная замыкалась полукругом. В западной части был расположен оппидум – сооружение с тринадцатью арками, под средней находился главный вход – так называемые Парадные ворота; через них перед началом ристалищ на арену входила процессия, несшая изображения богов. Под остальными двенадцатью арками расположены были конюшни, или «камеры», в которых ставили колесницы и лошадей, когда в цирке происходили бега, а в дни кровопролитных состязаний, любимого зрелища римлян, там находились гладиаторы и дикие звери. От оппидума амфитеатром шли многочисленные ряды ступенек, служивших скамьями для зрителей; ступеньки пересекались лестницами: зрители всходили по ним чтобы занять свои места. К этим лестницам примыкали другие, по которым народ направлялся к многочисленным выходам из цирка.

Вверху ряды оканчивались аркадами, предназначенными для женщин, которые пожелали бы воспользоваться этим портиком.

Против Парадных ворот устроены были Триумфальные ворота, через которые входили победители, а с правой стороны оппидума были расположены Ворота смерти; через эти мрачные ворота служащие цирка при помощи длинных багров убирала с арены изуродованные и окровавленные тела убитых или умирающих гладиаторов.

На площадке оппидума находились скамьи для консулов, высших должностных лиц, для весталок и сенаторов, тогда как остальные места ни для кого особо не предназначались и не распределялись.

По арене между оппидумом и Триумфальными воротами тянулась низкая стена длиной приблизительно в пятьсот футов, именованная хребтом; она служила для определения дистанции во время бегов. На обоих ее концах было несколько столбиков, называемых метами. На середине «хребта» возвышался обелиск солнца, а по обеим его сторонам расположены были колонны, жертвенники и статуи, среди которых стояли статуи Цереры и Венеры Мурсийской.

Внутри цирка по всей его окружности шел парапет высотой в восемнадцать футов, он назывался подиумом. Вдоль него пролегал ров, наполненный водой и огороженный железной решеткой. Все это предназначалось для охраны зрителей от возможного нападения диких зверей, которые рычали и свирепствовали на арене.

Таково было в 675 году это грандиозное римское сооружение, предназначенное для зрелищ. В огромное здание цирка, вполне достойное народа, чьи победоносные орлы, уже облетели весь мир, устремилась, ежечасно, ежеминутно увеличиваясь, нескончаемая толпа не только плебеев, но и всадников, патрициев, матрон; вид у всех был беззаботный, как у людей, которых ждет веселая и приятная забава.

Что же происходило в этот день? Что праздновалось? Какое зрелище привлекло в цирк такое множество народа?

Луций Корнелий Сулла Счастливым, властитель Италии, человек, наводивший страх на весь Рим, – быть может, для того, чтобы отвлечь свои мысли от неисцелимой кожной болезни, которая мучила его уже два года, – велел объявить несколько недель назад, что в продолжение трех дней римский народ будет пировать за его счет и наслаждаться зрелищами.

Уже накануне на Марсовом поле и на берегу Тибра восседали римские плебеи за столами, накрытыми по приказу свирепого диктатора. Они шумно угощались до самой ночи, а затем пир перешел в разнузданную оргию. Заклятый враг Гая Мария устроил это пиршество с неслыханной, царской пышностью; в триклинии, наскоро сооруженном под открытым небом, римлянам подавались в изобилии самые изысканные кушанья и тонкие вина.

Сулла Счастливым проявил неслыханную щедрость: на эти празднества и игры, устроенные в честь Геркулеса, он пожертвовал десятую часть своих богатств. Избыток приготовленных кушаний был так велик, что ежедневно огромное количество яств бросали в реку; вина подавали сорокалетней и большей давности.

Так Сулла дарил римлянам левой рукой часть тех богатств, которые наградила его правая рука. Квириды, в глубине души смертельно ненавидя Луция Корнелия Суллу, принимали, однако, с невозмутимым видом угощение и развлечения, которые устраивал для них человек, страстно ненавидевший весь римский народ.

День вступал в свои права. Животворные лучи солнца то тут, то там прорывались сквозь тучи и, разгораясь, золотили вершины десяти холмов, храмы, базилики и беломраморные стены патрицианских дворцов. Солнце согрело благодатным теплом плебеев, разместившихся на скамьях Большого цирка.

В цирке уже сидело свыше ста тысяч граждан в ожидании самых излюбленных римлянами зрелищ: кровопролитного сражения гладиаторов и боя с дикими зверями.

Среди этих ста тысяч зрителей восседали на лучших местах матроны, патриции, всадники, откупщики, менялы, богатые иностранцы, которые приезжали со всех концов Италии и стекались со всего света в Вечный город.

Несмотря на то что баловни судьбы являлись в цирк позже неимущего люда, им доставались лучшие и более удобные места. Среди разнообразных и малоутомительных занятий многих римских граждан, у которых зачастую не было хлеба, а временами и крова, но которых никогда не покидала гордость, всегда готовых воскликнуть: «*Noli me tangere – civis romanus sum!*» («Не прикасайтесь ко мне – я римский гражданин!») была одна своеобразная профессия, заключающаяся в том, что нищие бездельники заблаговременно отправлялись на публичное зрелище и занимали лучшие места для богатых граждан и патрициев; те приезжали в цирк, когда им заблагорассудится, и, заплатив три или четыре сестерция, получали право на хорошее место.

Трудно вообразить ту величественную картину, какую являл собою цирк, заполненный более чем стотысячной толпой зрителей обоюго пола, всех возрастов и всякого положения. Представьте себе красивые переливы красок разноцветных одежд – латиклав, ангустиклав, претекст, стол, туник, пеплумов, паллиев; шум голосов, похожий на подземный гул вулкана; мелькание голов и рук, подобное яростному и грозному волнению бурного моря! Но все это может дать только отдаленное понятие о той великолепной, несравненной картине, которую представлял собою в этот час Большой цирк.

То тут, то там простолюдины, сидевшие на скамьях, извлекали запасы захваченной из дома провизии. Ели с большим аппетитом – кто ветчину, кто холодное вареное мясо или кровяную колбасу, а кто пироги с творогом и медом или сухари. Еда сопровождалась всяческими шутками и прибаутками, не очень пристойными островами, беззаботной болтовней, громким хохотом и возлияниями вин: велитернского, массикского, тускульского.

Повсюду шла бойкая торговля: продавцы жареных бобов, лепешек и пирожков сбывали свой товар плебеям, раскупавшим эти дешевые лакомства, чтобы побаловать своих жен и детей. А затем благодушно настроенным покупателям приходилось, разумеется, подзывать и продавцов вина, чтобы утолить жажду, вызванную жареными бобами. Они пили налитую в стаканчики кислятину, которую разносчики без зазрения совести выдавали за тускульское.

Семьи богачей, всадников и патрициев, держась отдельно от плебса, вели веселую, оживленную беседу, выказывая подчеркнутое достоинство в манерах.

Разодетые в пух и прах щеголи расстилали циновки и ковры на жестких каменных сиденьях, держали раскрытые зонты над головами прекрасных матрон и очаровательных девушек, оберегая их от жгучих лучей солнца.

В третьем ряду, почти у самых Триумфальных ворот, между двумя патрициями сидела матрона блистательной красоты. Гибкий стан, стройная фигура, прекрасные плечи свидетельствовали о том, что это была истинная дочь Рима.

Правильные черты лица, высокий лоб, тонкий красивый нос, маленький рот, губы, на которых, казалось, горело желание страстных поцелуев, и большие черные живые глаза – все в этой женщине дышало неизъяснимым очарованием. Черные, как вороново крыло, густые и мягкие кудри падали ей на плечи и были скреплены надо лбом диадемой, осыпанной драгоценными камнями. Туника из белой тончайшей шерсти, обшитая внизу золотой полосой, обрисовывала ее прелестную фигуру. Поверх туники, ниспадавшей красивыми складками, был накинута белый паллий с пурпурной каймой.

Этой роскошно одетой красавице не было, вероятно, еще и тридцати лет; то была Валерия – дочь Луция Валерия Мессалы, единоутробная сестра Квинта Гортензия, знаменитого оратора, соперника Цицерона, который стал консулом в 685 году. За несколько месяцев до начала нашего повествования Валерия была отвергнута мужем под благовидным предлогом ее бесплодия; в действительности же причиной развода были ходившие по Риму слухи о ее скандальном поведении. Молва считала Валерию распутной женщиной, ей приписывали не слишком целомудренные отношения со многими поклонниками. Как бы то ни было, при разводе были соблюдены приличия, и честь Валерии не пострадала.

Рядом с Валерией сидел Эльвий Медуллий – существо длинное, бледное, худое, холерное, прилизанное, надушенное, напомаженное и разукрашенное; все пальцы его были унизаны золотыми кольцами с самоцветными камнями, с шеи спускалась золотая цепь с фалерами тонкой работы. Элегантный наряд дополняла тросточка из слоновой кости, которой Медуллий играл весьма изящно.

На неподвижном и невыразительном лице аристократа лежала печать скуки и апатии; ему было только тридцать пять лет, а уже все на свете ему надоело. Эльвий Медуллий принадлежал к высшей римской знати, изнеженной, проводившей жизнь в кутежах и празднествах и предоставлявшей плебеям право сражаться и умирать за отечество и его славу. Высокородные олигархи возлагали на простолюдинов заботу покорять царства и народы, а на себя брали только труд жить в роскоши и праздности, проматывать родовые богатства или же грабить провинции, которыми они управляли.

По другую руку Валерии Мессалы сидел Марк Деций Цедиций, патриций лет пятидесяти, с открытым веселым и румяным лицом, приземистый, коренастый толстяк с брюшком; выше всего он почитал утеху чревоугодия и большую часть времени проводил за столом в триклинии. Полдня у него уходило на отведывание изысканнейших лакомых блюд и соусов, приготовляемых его знаменитым поваром, который славился своим искусством на весь Рим; вторую половину дня этот патриций занят был мыслями о вечерней трапезе и предвкушением радостей, которые он снова испытает в триклинии. Словом, Марк Деций Цедиций, переваривая обед, мечтал об ужине.

Спустя несколько времени сюда пришел и Квинт Гортензий, чье красноречие снискало ему мировую славу.

Квинту Гортензию не было еще тридцати шести лет. Он посвятил много времени и труда изучению пластики, различных приемов выражения мыслей и достиг столь высокого совершенства в искусстве сочетать жесты с речью, что, где бы он ни появлялся – в сенате ли, в триклинии ли, в любом другом месте, – каждое его движение было исполнено достоинства и благородства, которое казалось врожденным и поражало всех. Одежда его неизменно была темного цвета, но зато складки латиклава ниспадали так гармонично и были уложены так обдуманно, что выгодно оттеняли его красоту и величавость осанки.

К этому времени он уже успел отличиться в сражениях против италийских союзников в Марсийской, или гражданской, войне и за два года получил сначала чин центуриона, а затем и трибуна.

Надо сказать, что Гортензий выделялся не только ученостью и высоким даром слова, – он был также искуснейшим актером; половиной своего успеха Гортензий обязан был прекрасно звучащему голосу и тонким декламаторским приемам, которыми он владел в совершенстве и пользовался так умело, что известнейший трагик Эзоп и знаменитый Росций спешили на Форум, когда он произносил речь: оба пытались постигнуть тайны декламаторского искусства, которыми Гортензий пользовался с таким блеском. Пока Гортензий, Валерия, Эльвий и Цедиций вели беседу и, по выраженному Валерией желанию, вольноотпущеннику было приказано принести таблички, на которых значились имена гладиаторов, сражавшихся в тот день, процессия жрецов с изображениями богов уже обошла «хребет», и на его площадке были установлены эти изображения.

Неподалеку от того места, где сидела Валерия и ее собеседники, стояли два подростка, одетые в претексты – белые тоги с пурпурной каймой; мальчиков сопровождал воспитатель. Одному из его питомцев было четырнадцать лет, другому двенадцать, и обоих отличал чисто римский склад лица – худощавого с резкими чертами и широким лбом. Это были Цепион и Катон из рода Порциев, внуки Катона Цензора, который прославился во время второй Пунической войны непримиримой враждой к Карфагену, – он требовал, чтобы Карфаген был разрушен во что бы то ни стало.

Младший из братьев, Цепион, казавшийся более разговорчивым и приветливым, часто обращался к своему воспитателю Сарпедону, тогда как юный Марк Порций Катон стоял молчаливый и надутый, с брюзгливым, сердитым видом, совсем не соответствовавшим его возрасту. Уже с ранних лет он обнаруживал непреклонную волю, стойкость и непоколебимость убеждений. Рассказывали, что, когда ему было еще только восемь лет, Марк Помпедий Силон, один из военачальников во время войны итальянских городов против Рима за права гражданства, явился в дом дяди мальчика, Друза, схватил Катона и поднес к окну, угрожая выбросить его на мостовую, если он откажется просить дядю за итальянцев. Помпедий тряс его и грозил, но ничего не добился: Марк Порций Катон не проронил ни слова, не сделал ни одного движения, ничем не выразил согласия или страха. Врожденная твердость духа, изучение греческой философии, в особенности философии стоиков, и подражание суровому деду выработали у этого четырнадцатилетнего юноши характер доблестного гражданина. Впоследствии он лишил себя жизни после сражения в Утике, унеся в могилу поверженное знамя латинской свободы, в которое он завернулся, как в саван.

Над Триумфальными воротами, неподалеку от одного из выходов, сидел, также со своим наставником, мальчик из другой патрицианской семьи, с воодушевлением разговаривавший с юношей лет семнадцати. Хотя юноша и был одет в тогу, которую полагалось носить по достижении совершеннолетия, над губой у него едва пробивался пушок. Он был небольшого роста, болезненный и слабенький, но на бледном лице, обрамленном черными блестящими волосами, сияли большие черные глаза; в них светился высокий ум.

Этот семнадцатилетний юноша был Тит Лукреций Кар. Он происходил из знатного римского рода и впоследствии обессмертил свое имя поэмой «О природе вещей». Его собеседнику, сильному и смелому двенадцатилетнему мальчику Гаю Кассию Лонгину, сыну бывшего консула Кассия, было суждено сыграть одну из самых заметных ролей в событиях, предшествовавших падению республики.

Лукреций и Кассий вели оживленную беседу. Будущий великий поэт последние два-три года часто бывал в доме Кассия, научился ценить в юном Лонгине его острый ум и благороднейшую душу и сильно привязался к нему. Кассий также любил Лукреция, их влекли друг к другу одни и те же чувства и стремления, оба они одинаково мало ценили жизнь, одинаково относились к людям и богам.

Поблизости от Лукреция и Кассия сидел Фавст, сын Суллы, хилый, худой рыжеволосый подросток; с его бледного лица еще не сошли синяки и ссадины – следы недавней драки; голубые его глаза смотрели злобно и спесиво – ему льстило, что на него указывают пальцем как на счастливого сына счастливого диктатора.

На арене сражались с похвальным жаром, хотя и без ущерба для себя, молодые, еще необученные гладиаторы, вооруженные учебными палицами и деревянными мечами. Этим зрелищем развлекали зрителей до прибытия консулов и Суллы, устроившего для римлян любимую забаву и развлечение.

Бескровное сражение, однако, не доставляло никому удовольствия и никого не интересовало, кроме ветеранов-легионеров и рудиариев, оставшихся в живых после сотни состязаний. Вдруг по всему огромному амфитеатру гулко прокатились шумные и довольно дружные рукоплескания.

– Да здравствует Помпей!.. Да здравствует Гней Помпей!.. Да здравствует Помпей Великий! – восклицали тысячи зрителей.

Помпей, вошедший в цирк, занял место на площадке оппидума, рядом с весталками, которые собрались тут в ожидании кровавого зрелища, столь любимого этими девственницами, посвятившими себя культу богини целомудрия. Помпей приветствовал народ изящным поклоном и, поднося руки к губам, в знак благодарности посылал поцелуи.

Гнею Помпею было около двадцати восьми лет; он был высок ростом, крепкого, геркулесовского сложения; густые волосы, покрывавшие его крупную голову, росли на лбу очень низко, чуть не срастаясь с бровями, нависшими над большими черными глазами красивого миндалевидного разреза; впрочем, глаза у него были малоподвижны и невыразительны; строгие и резкие черты лица и могучие формы тела создавали впечатление мужественной красоты. Конечно, внимательно присмотревшись к его неподвижному лицу, наблюдатель нашел бы, что на нем не отразились великие мысли и деяния человека, который в течение двадцати лет занимал первое место в Римской империи. Как бы то ни было, уже в возрасте двадцати пяти лет он вернулся победителем из похода в Африку, заслужил триумф и даже самим Суллой – вероятно, в минуту какого-то особого благоволения – был назван Великим. Каково бы ни было мнение о Помпее, его заслугах, деяниях, удачах, но в тот день, когда он вошел в Большой цирк, 10 ноября 675 года, симпатии римского народа были на его стороне. В двадцать пять лет он уже был триумфатором и заслужил любовь своих легионов, состоявших из ветеранов, закаленных в невзгодах и опасностях тридцати сражений: они провозгласили его императором.

Может быть, подчеркнутое пристрастие к Помпею отчасти объяснялось тайной ненавистью плебеев к Сулле: не имея возможности проявить эту ненависть иным путем, они изливали ее в бурных рукоплесканиях и похвалах молодому другу диктатора, единственному человеку, способному совершать ратные подвиги, равные подвигам Суллы.

Вслед за Помпеем прибыли консулы Публий Сервилий Ватий Исаврийский и Аппий Клавдий Пульхр, которые должны были оставить свои посты 1 января следующего года. Впереди Сервилия, исполнявшего обязанности консула в текущем месяце, шли ликторы, а впереди Клавдия, исполнявшего обязанности консула в прошлом месяце, шли ликторы с фасциями.

Когда консулы появились на площадке оппидума, в цирке все встали, чтобы выразить должное уважение к высшей власти в республике.

Сервилий и Клавдий опустились на свои места, вслед за ними сели и все зрители; сели и два будущих консула – Марк Эмилий Лепид и Квинт Лутаций Катулл, которые выбраны были на следующий год в сентябрьских комициях.

Помпей приветствовал Сервилия и Клавдия, они ответили ему любезно, почти подобоострастно; затем Помпей поднялся и подошел пожать руку Марку Лепиду, обязанному ему своим избранием: Гней Помпей использовал свою большую популярность в его пользу, вопреки желанию Суллы.

Лепид встретил молодого императора почтительными изъявлениями преданности; они стали беседовать; второму же консулу, Лутацию Катуллу, Помпей поклонился сдержанно и важно.

Несмотря на то что во время избрания консулов Сулла уже не был диктатором, он сохранил свое могущество и теперь употребил все свое влияние против кандидатуры Лепида, считая – и не напрасно, – что тот в душе был его противником и сторонником Гая Мария. Но именно эта оппозиция Суллы и благосклонная поддержка Помпея создали в комициях положение, при котором кандидатура Лепида взяла верх над кандидатурой Лутация Катулла, имевшего поддержку олигархической партии. За это Сулла упрекал Помпея и твердил, что он на выборах в консулы поддерживал худшего из граждан и препятствовал избранию лучшего.

Как только прибыли консулы, выступление молодых гладиаторов прекратилось, а те гладиаторы, которым действительно предстояло сражаться в этот день, приготовились к выходу из камер, чтобы, – согласно обычаю, продефилировать перед властями; они ждали только сигнала.

Все глаза были устремлены на оппидум, все ждали, когда консулы подадут знак к началу боя. Но консулы, окидывая взглядом ряды амфитеатра, как будто искали кого-то, желая испросить разрешения. Действительно, они ждали Луция Корнелия Суллу, человека, сложившего с себя звание диктатора и все же оставшегося властителем Рима.

Наконец раздались рукоплескания – сначала слабые и редкие, затем все более шумные и дружные, отдаваясь эхом по арене. Взгляды присутствующих устремились к Триумфальным воротам, через которые, в сопровождении сенаторов, друзей и приверженцев, в это время входил Луций Корнелий Сулла.

Этому удивительному человеку было тогда пятьдесят девять лет. Он был довольно высок ростом, хорошо и крепко сложен; шел он медленно и вяло, как человек, силы которого истощились, – это было следствием непристойных оргий, которым он предавался всю жизнь, а теперь более, чем когда-либо. Но главной причиной его расслабленной поступи была изнурительная и неизлечимая болезнь, наложившая на его черты, на весь его облик печать преждевременной и печальной старости.

Лик Суллы был поистине ужасен. Правда, черты его были правильны и гармоничны: высокий лоб, крупный нос с раздувающимися ноздрями, словно у льва, рот несколько большой, с выпуклыми властными губами. Его можно было бы назвать даже красивым, в особенности представив себе эти черты в обрамлении густых белокурых волос с рыжеватым оттенком; лицо это освещалось серо-голубыми глазами, живыми, глубокими и проницательными. Это были светлые орлиные зеницы, но нередко они походили и на глаза гиены; в жестоком их взгляде можно было прочесть желание повелевать и жажду крови.

Когда Сулла воевал в Азии против Митридата, его попросили уладить спор, возникший между царем каппадокийским Ариобарзаном и царем парфянским, отправившим к нему своего посла Оробаза. Сулла был тогда только проконсулом, но, желая, чтобы первенство оставалось за Римом, а также и за ним самим, Суллой, он, явившись на аудиенцию, сел в среднее кресло из трех, поставленных в зале, ничуть не сомневаясь, что это почетное место предназначено именно ему; по правую руку он посадил Оробаза, представителя наиболее могущественного царя Азии, по левую – Ариобарзана. Парфянский царь почувствовал себя настолько оскорбленным и униженным, что по возвращении Оробаза казнил его. В посольской свите Оробаза был некий халдеец, знаток магии, который по лицам людей определял их душевные способности. Всмотревшись в черты Суллы, он подивился выразительному блеску его звериных глаз и сказал: Этот человек непременно будет великим, и я удивлен, как он терпит, что до сих пор еще не стал первым среди людей.

Возвращаясь к Сулле, портрет которого мы здесь набросали, нам надо объяснить, почему мы назвали его лицо ужасным; оно было поистине ужасным: покрытое какой-то грязноватой сыпью, с рассеянными там и сям белыми пятнами, оно было похоже, согласно злой остроте одного афинского шутника, на лицо мавра, осыпанное мукой.

Если лицо Суллы было таким в молодости, то легко понять, каким страшным оно стало с годами; в жилах диктатора текла дурная золотушная кровь, а оргии, которым он усердно предавался, обострили болезнь. Белые пятна и струпья, уродовавшие его лицо, увеличились числом, и теперь уж все его тело было усеяно гнойными прыщами и язвами.

Ступая медленно, с видом пресыщенного человека, Сулла вошел в цирк. Вместо национального паллия или же традиционной тоги на нем была наброшена поверх туники из белоснежной шерсти, затканной золотыми арабесками и узорами, нарядная хламида огненно-красного цвета, отороченная золотом; на правом плече она скреплялась золотой застежкой, в которую были вправлены драгоценные камни, искрившиеся и переливавшиеся в лучах солнца. Сулла, презиравший весь род людской, и в особенности своих сограждан, был первым из немногих, надевших греческую хламиду. У него была палка с золотым набалдашником, на котором с величайшим искусством был выгравирован эпизод из битвы под Орхоменом в Беотии, где Сулла разбил наголову Архелая, наместника Митридата. Резчик изобразил, как коленопреклоненный Архелай сдается Сулле. На безымянном пальце правой руки диктатора было кольцо с большой камеей из кроваво-красной яшмы, оправленной в золото; на камне был изображен акт выдачи Бокхом царя Югурты. Сулла носил это кольцо не снимая до дня

триумфа Гая Мария и постоянно хвастался им, что вполне соответствовало его характеру. Это кольцо стало первой искрой, зажегшей пламя пагубного раздора между Суллой и Марием.

При громе рукоплесканий сардоническая улыбка искривила губы Суллы, и он вполголоса произнес:

– Рукоплещите, рукоплещите, глупые бараны!

В это время консулы подали сигнал к началу зрелищ; сто гладиаторов вышли из камер и колонной двинулись по арене.

В первом ряду выступали ретиарий и мирмиллон, которые должны были сражаться первыми, и хотя недалеко была та минута, когда одному из них было суждено убить другого, они шли, спокойно беседуя. За ними следовало девять лаквеаторов, в руках они держали трезубцы и сети, которые должны были накидывать на девятерых секуторов, вооруженных щитами и мечами; если секуторы не попадали в сети лаквеаторов, последние преследовали спасавшихся бегством секуторов.

Вслед за этими девятью парами шли тридцать пар гладиаторов: сражаться должны были по тридцать бойцов с каждой стороны, как бы повторяя в малых размерах настоящее сражение. Тридцать из них были фракийцы, другие тридцать – самниты; все – красивые и молодые, рослые, сильные и мужественные люди.

Гордые фракийцы были вооружены короткими, кривыми мечами; в руках у них были небольшие квадратные щиты с выпуклой поверхностью, на головах – шлемы без забрала; это было их национальное вооружение. Все они были в коротких ярко-красных туниках, на их шлемах развевались по два черных пера. У тридцати самнитов было вооружение воинов народа Самния: короткий прямой меч, небольшой закрытый шлем с крыльями, маленький квадратный щит и железный наручник, закрывавший правую руку, не защищенную щитом, и, наконец, наколенник, который защищал левую ногу. Самниты были в голубых туниках, на шлемах у них развевались белые перья.

Шествие завершали десять пар андабатов в белых туниках; вооружены они были только короткими клинками, скорее похожими на ножи, чем на мечи; на головах их были шлемы с опущенными глухими забралами, в которых прорезаны были неправильно расположенные и чрезвычайно маленькие отверстия для глаз. Эти двадцать несчастных, брошенных на арену, сражаясь друг с другом, словно играли в жмурки; они долго развлекали публику, вызывая взрывы хохота, до тех пор, пока лорарии, подгоняя противников раскаленными железными прутьями, не сталкивали их вплотную, чтобы они убивали друг друга.

Сто гладиаторов обходили арену под рукоплескания и крики зрителей. Подойдя к тому месту, где сидел Сулла, они подняли голову и, согласно наставлению, данному ланистой Акцианом, воскликнули хором:

– Привет тебе, диктатор!

– Ну что ж, хороши! – заметил Сулла, обращаясь к окружающим. Он осматривал дефилировавших мимо него гладиаторов опытным глазом победителя во многих сражениях. – Храбрые и сильные юноши! Нам предстоит красивое зрелище. Горе Акциану, если будет иначе! За эти пятьдесят пар гладиаторов он взял с меня двести двадцать тысяч сестерций, мошенник!

Процессия гладиаторов обошла арену цирка и, приветствовав консулов, вернулась в камеры. На арене, сверкающей, как серебро, остались лицом к лицу только два человека: мирмиллон и ретиарий.

Все затихло, и глаза зрителей устремились на двух гладиаторов, готовых к схватке. Мирмиллон, галл по происхождению, белокурый, высокий, ловкий и сильный красавец, в одной руке держал небольшой щит, а в другой – широкий и короткий меч, на голове у него был шлем, увенчанный серебряной рыбой. Ретиарий, вооруженный только трезубцем и сетью, одетый в простую голубую тунику, стоял в двадцати шагах от мирмиллона и, казалось, обдумывал, как

лучше поймать его в сеть. Мирмиллон, подавшись корпусом вперед и опираясь на вытянутую левую ногу, держал меч почти прижатым к правому бедру, ожидая нападения.

Внезапно, сделав огромный прыжок, ретиарий очутился в нескольких шагах от мирмиллона и с быстротою молнии бросил на противника сеть. Но тот отскочил и, пригнувшись к самой земле, увернулся от сети, затем ринулся на ретиария, который, поняв свой промах, пустился стремительно бежать. Мирмиллон бросился преследовать его, но ретиарий, более ловкий, описав полный круг, успел добежать до того места, где лежала сеть, и подобрал ее. Едва он выпрямился, как мирмиллон настиг его, и в тот миг, когда он готов был обрушиться на ретиария страшный удар, тот повернулся и кинул на противника сеть, но мирмиллон на четвереньках отполз в сторону, быстрым прыжком вскочил на ноги, и ретиарий, уже направивший на него трезубец, только царапнул остриями по щиту галла. Тогда ретиарий снова бросился бежать.

Толпа недовольно загудела: она считала себя оскорбленной тем, что гладиатор осмелился выступать в цирке, не умея в совершенстве владеть сетью.

На этот раз мирмиллон, вместо того чтобы бежать за ретиарием, повернул в ту сторону, откуда мог ожидать приближения противника, и остановился в нескольких шагах от сети. Ретиарий, разгадав его маневр, помчался обратно, держась около «хребта» арены. Добежав до Триумфальных ворот, он перескочил хребет и очутился в другой части цирка, около своей сети. Мирмиллон, поджидавший его тут, набросился на него и стал наносить удары, а тысячи голов кричали в ярости:

– Бей его, бей! Убей ретиария! Убей разиню! Убей труса! Убей, убей! Пошли его ловить лягушек на берегах Ахеронта!

Ободренный криками толпы, мирмиллон продолжал наступать на ретиария, а тот, сильно поблуднев, старался держать противника на расстоянии, размахивал трезубцем, кружил вокруг мирмиллона, напрягая все силы и стараясь схватить свою сеть.

Неожиданно мирмиллон, подняв левую руку, отбил щитом трезубец и проскользнул под ним; его меч готов был поразить грудь ретиария, как вдруг последний ударил трезубцем по щиту противника и бросился к сети, однако недостаточно ловко и быстро: меч мирмиллона ранил его в левое плечо, брызнула сильной струей кровь. Но ретиарий все же убежал со своей сетью; сделав шагов тридцать, он повернулся к противнику и громко закричал:

– Рана легкая! Пустяки!..

Минуту спустя он стал напевать:

Приди, приди, красавец галл.

Я не тебя ищу, а рыбу...

Приди, приди, красавец галл!

Веселый взрыв смеха послышался после строфы, пропетой ретиарием; его хитрая выдумка удалась: он завоевал симпатии публики; раздались аплодисменты в честь безоружного, раненого, истекающего кровью человека, которому жизненный инстинкт подсказал, что надо найти в себе мужество шутить и смеяться.

Взбешенный насмешками противника, загоревшись завистью, ибо толпа явно выказывала теперь симпатию к ретиарию, мирмиллон с яростью набросился на него. Но ретиарий, отступая прыжками и ловко избегая ударов, крикнул:

– Приди, галл! Сегодня вечером я пошлю доброму Харону жареную рыбу!

Эта новая шутка еще больше развеселила толпу и вызвала новое нападение мирмиллона. На этот раз ретиарий очень удачно набросил, свою сеть – его враг запутался в ней. Толпа неистово рукоплескала.

Мирмиллон, стараясь освободиться, все больше запутывался в сети; зрители громко хохотали. Ретиарий помчался к тому месту, где лежал трезубец, поднял его и, возвращаясь бегом, закричал:

– Харон получит рыбу! Харон получит рыбу!

Однако когда он приблизился к своему противнику, тот отчаянным усилием могучих рук разорвал сеть, и она упала к его ногам, освободив ему руки. Он мог теперь встретить нападение врага, но двигаться ему было невозможно.

Толпа снова разразилась рукоплесканиями. Она напряженно следила за каждым движением, за каждым приемом противников. Исход поединка зависел от любой случайности. Лишь только мирмиллон разорвал сеть, ретиарий подбежал к нему и, изловчившись, нанес сильный удар трезубцем. Мирмиллон отразил удар с такой силой, что щит разлетелся на куски. Трезубец все-таки ранил гладиатора, брызнула кровь – на его обнаженной руке были теперь три раны. Но почти в то же мгновение мирмиллон схватил левой рукой трезубец и, бросившись всей тяжестью тела на противника, вонзил ему лезвие меча до половины в правое бедро. Раненый ретиарий, оставив трезубец в руках противника, побежал, обагрив кровью арену, и, сделав шагов сорок, упал на колени, затем рухнул навзничь. Мирмиллон, увлеченный силой удара и тяжестью своего тела, тоже свалился, затем поднялся, высвободил ноги из сетей и ринулся на упавшего противника.

Толпа бешено рукоплескала в эти последние минуты борьбы, рукоплескала и тогда, когда ретиарий, опираясь на локоть левой руки, приподнялся и обратил к зрителям свое лицо, покрытое мертвенной бледностью. Он приготовился бесстрашно и достойно встретить смерть и обратился к зрителям, прося даровать ему жизнь не потому, что надеялся спасти ее, а только следуя обычаю.

Мирмиллон поставил ногу на тело противника и приложил меч к его груди; подняв голову, он обводил глазами амфитеатр, чтобы узнать волю зрителей.

Свыше девяноста тысяч мужчин, женщин и детей опустили большой палец правой руки книзу: это был знак смерти, и меньше пятнадцати тысяч добросердечных людей подняли руку, сжав ее в кулак и подогнув большой палец, – в знак того, что побежденному гладиатору даруется жизнь.

Среди девяноста тысяч человек, обречших ретиария на смерть, были и непорочные, милосердные весталки, желавшие доставить себе невинное удовольствие: зрелище смерти несчастного гладиатора.

Мирмиллон уже приготовился прикончить ретиария, как вдруг тот, схватив меч противника, с силой вонзил его себе в сердце по самую рукоятку. Мирмиллон быстро вытащил меч, покрытый дымящейся кровью. Тело ретиария выгнулось в жестокой агонии, он крикнул страшным голосом, в котором уже не было ничего человеческого:

– Проклятые! – и мертвым упал навзничь.

Такую картину гладиаторских боёв преподнёс нам Рафаэлло Джованьоли. И мы спешим туда, в этот Рим, с его гладиаторами и смертями на виду у всего народа – как на развлечение, как на хлеб или как на вино, как к чему то долгожданному похожему на отдохновение. Одним словом, как к жизни в полном восприятии. Об этом нам рассказал Рафаэлло Джованьоли, нам интересен этот рассказ и мы будем им пользоваться, что бы верили нашему рассказу. События нашего рассказа мы переплетём с событиями поведованными Джованьоли.

И вот ещё что. Читатель изумится о стольких знаменитых именах римлян, о которых нам поведал Рафаэлло Джованьоли. Пусть его это не беспокоит, он сам прекрасно знает, что большинству из нас это не принесёт что либо, кроме фона рассказанного о римской культуре и обиходе. Одним словом, это фон, о котором мы только что упомянули и сами же упомянутое забыли и не упомянем больше, что бы не тревожить наш загруженный информацией мозг. Если

вы не историк или другой учёный, любитель древнеримской старины, тогда ваши страницы не здесь. сами понимаете. А если вы просто любопытны и честны, то и читайте с богом. А нет – отложите книгу в сторону и скажите себе: бред какой то. Ни жарко. Ни холодно.

5

«Боже! Ты Бог мой!» «Хочу видеть силу Твою!» Немощи и болезни трансформируют человека. Человек, рождённый сильным, немощным в старости или больным теряет себя. «И сила Господня являлась...» Вера ходит нетрадиционными путями. С верой я взберусь на Олимп по крутой тропе. Но с верой во что? Я не знаю этой веры и не хочу её знать.

Ты, Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной...

Кошелек пустой, холодильник пустой, гараж пустой... Кругом пустота.

Ты скажешь: «Это трагедия!» Ты так и скажешь, что бы меня унижить.

Нет, это пустыня. А пустыня – явление сильное, но явление временное. Терпи. 40 лет терпи. И воздастся. И буду терпеть. Ведь это я, как бог. И сам себя должен увидеть такого терпеливого и доказать свой успех своим терпением и стремлением карабкаться по круче на самую вершину

Антонин Пий происходил из галльского senatorского рода. В 120 году он был консулом, затем проконсулом Азии. В 135 году был усыновлён императором Адрианом и стал его преемником. После смерти Адриана Антонин уговорил сенат обожествить Адриана, и поэтому сенаторы прозвали его Пием (то есть «благочестивый», «исполняющий долг в отношении богов и родных»).

Во время правления Антонина Пия Римская империя сохранила свои владения и упрочила границы. По его приказу в Шотландии был построен новый оборонительный вал от залива Ферт-оф-клайд до залива Ферт-оф-фот, а также продвинуты и укреплены государственные границы в Германии и Реции. Однако вспыхнувшие в провинциях Британия, Мавретания, Египет и Иудея восстания против римского правления означали скорый конец стабильности. Антонин Пий усыновил Марка Аврелия, женив его на своей дочери Фаустине, и провозгласил императором.

С 139 года Антонин Пий носил титул «Отец Отечества».

Высокий рост придавал ему представительность. Но так как он был длинным и старым, то стан его согнулся, и он, чтобы ходить прямо, привязывал себе на грудь липовые дощечки.

Амврелий Виктор так писал об императоре:

«Он был настолько справедлив и обладал таким добрым нравом, что ясно этим доказал, что ни мир, ни продолжительный досуг не портят некоторых характеров и что города могут благоденствовать, если только управление их будет разумно».

Гладиатор спал после тяжёлой схватки. Спал до полудня. Это был его первый бой после того как он попал в плен во Фракии и определён в школу гладиаторов. Вчера он был секутором против ретиария. Ретиарием оказался молодой рыжеволосый галл, вооружённый сетью, трезубцем и кинжалом, которым ретиарий должен заканчивать сражение с секутором завершающим ударом в грудь, а если вызвать восторг развращённой публики, то точным ударом в сердце.

– Я приветствую тебя, фракиец! – ретиарий поднял правую руку, с запястья которой свисала сеть, не отличимая от ловчей сети на львов и тигров в Африке. Галл был бледен, он почувствовал приближение своего смертного часа. Но ему хотелось обратить на себя внимание всех ста тысяч праздничных зрителей, особенно женщин. С трибун понеслось женскими головами: О, приди, о приди, мой красавец галл! О, приди, о, приди, мой красавец галл!

Ему громко желали победы, значит сохранение жизни наперёд, женщины Рима, среди которых было немало патрицианок и весталок, немало и куртизанок. Все ждали его. Приди, мой красавец галл!

– Я приветствую тебя, галл! – ответил секутор и поднял правую руку со сжатым кулаком. Потом они отрепетировано направились к скамье, где возлежал престарелый Сулла, отрёкшийся недавно от своего диктаторства над Римом, но сохранивший популярность и уважение среди плебса и в Сенате. Во всяком случае в Риме никто не помышлял о его свержении или убийстве.

Сулла лениво глянул на подошедших. С серебряной чашей в руке, объёмом с хороший кубок, он приподнялся на ложе, потом сел на скамье, поправил на себе с подчёркнутым достоинством пурпурную хламиду и обратившись к двум консулам слева и справа от себя, сказал грубым голосом: Распорядитесь к началу нашего увеселительного праздника!

Стотысячный цирк взревел. И люди не слышали слов, обращённых консулами к диктатору и слов, которых он бросил в сторону гладиаторов: сдохните оба, а толпа восславит вас пребыванием на Олимпе вместе с богами. Идите и сдохните на потеху народу Рима! Всё! Идите!

– Идущие на смерть, приветствуют тебя, диктатор Сулла! – в разной прокричали во всю глотку оба гладиатора. И оба гордо направились сделать круг по арене с приветствием к зрителям:

– Идущие на смерть, приветствуют вас, римский плебс!

– Идущие на смерть, приветствуют вас, ремесленники, вольноотпущенные, городские торговцы, легионеры, менялы!

– Идущие на смерть, приветствуют вас, всадники, патриции, сенаторы, куртизанки и весь прочий римский народ!

Гладиаторы обходили арену цирка под рукоплескания, неистовые крики зрителей, но не теряли своего достоинства. Казалось, они наслаждаются этим – своим величием перед этой толпой, перед диктатором Суллой, влежащим на скамье покрытом дорогим ковром из Средней Азии и держащим в дрожащей руке серебряный кубок, наполненный янтарным вином. И гордились своей предстоящей смертью у всех их на глазах. Прощались оба, как знать, чем закончится схватка.

Среди этого шествия двоих гладиаторов, идущих на смерть с гордо поднятой головой, на арену вошла, а по задумке представления всплыла декорированная галера рабов, сидящих на вёслах. На открытой платформе шевелились гирлянды цветов, светящихся шариков и ветвей лавра. Стройный гладиатор похожий на фракийца, шествующего сейчас впереди галеры, стоял на платформе в шлеме с двумя страусовыми чёрными перьями, со щитом в левой руке и мечом в правой. Его грудь защищал панцырь, плечи защищали наплечники, ноги наколенники. В этом облачении он готов был убивать или быть убитым.

Между тем, галера с рабами и фракийцем на платформе как на подиуме, проплыла по арене и скрылась под трибунами цирка, оставив гладиаторов для действия.

Схватка оказалась скоротечной.

Ретиарий, рыжеволосый галл, раскрутил сеть над головой и громко произнёс:

– Я начал бой, фракиец! Будь внимателен. Я тебя атакую!

– Я готов встретить тебя, о мой галл!

Ретиарий бросил свою сеть, но секутор прыжком в сторону избежал быть пойманным и сердце замерло от возможного. Неужели это могло произойти? – подумал секутор.

Может быть, я дико ошибаюсь, но у меня как у новосёла школы гладиаторов, складывается впечатление, что массовый патриотизм римлян относится в определённой степени к простодушию молодых людей самого Рима и варварских окраин. – подумал простодушно Гладиатор, глядя на ловчую сеть, не ловко брошенную галлом и лежащую в стороне на арене.

– Ты можешь бросить ещё раз свою ловчую сеть для птиц, например. ты можешь сейчас наловить стаю кенареек. Более она ни на что не годна, поверь мне. галл.

– Ты ошибаешься, фракиец. Я не буду просить у тебя возможности заполучить сеть, что бы ещё раз попытаться удачи поймать тебя в неё, как рыбак ловит рыбу. Ты ошибаешься. Я вижу, как тебя удручает не желание моё биться с тобой для утехи развращённых патрициев и патрицианок и беснующегося плебса. Я не предоставлю им такого удовольствия, поверь мне, а тебе желания убить меня на потеху им Вот смотри, я иду прямо на тебя и не боюсь смерти, а ты смотришь на меня удивлённо – почему я не бегу от тебя по арене. Я не так жалок, как ты себе представляешь, фракиец. Ты, судя по всему, и был рабом там, у себя во Фракии. Я же галл, сын царя, а не раб, как ты, фракиец! Я не могу быть рабом. Не знаю, понятно ли тебе это.

– Мне понятно одно. – ответил фракиец. – Мы должны биться, пусть на потеху этим зрителям. Но должны. Это залог сохранения нашей жизни, хотя бы одному из нас.

– Я понимаю тебя, фракиец. Но у меня другой путь в оставшейся мне жизни. Смотри мне в глаза, а я буду смотреть в твои. Ты видишь чтонибудь в моих глазах, фракиец? Я вижу: ты в недоумении и тебе непонятно то, что я говорю. А я говорю, что ты меня не убьёшь и что я не позволю этим диким людям смаковать мою смерть. Всё, разговоры закончились. Теперь смотри, фракиец, как я ненавижу этот Рим.

Галл остановился посреди арены с широко расставленными ногами и опущенной головой, словно винулся перед жизнью и всеми людьми в ней. Он говорил себе прощальные слова в пробегающих в голове мыслях: Не виноват я ни в чём и ни перед кем, народ Рима. Только я вас, подлый народ, ненавижу. Только сказал ли это галл или подумал всего лишь – кто же скажет. Быстро, словно в спешке, он согнулся и припав на левое колено до земли вонзил в себя кинжал и тут же опрокинулся до земли, оставаясь в этом положении – с кинжалом в сердце своими руками.

Гладиатор не понял поступка ретиария. Как можно убить себя на газах у плебса, заполнившего цирк и самого самодовольного диктатора Суллы, сейчас проклинающего галла со своей скамьи, закутанного в пурпурную накидку поверх белоснежной тоги, пряча своё немощное тело от любопытных глаз куртизанок.

Ситуация сложилась так, что секутор не знал, что ему делать по протоколу – отдавать победу над поверженным врагом чести диктатора. когда такой победы как факт не существовало, а было самоубийство противника, отъявленное пренебрежительное самоубийство к Риму, его власти, и народу? И такой честью диктатор возмутиться – что это такое, диктатор благодарен за честь, которая и не честь вовсе, а позор, если противник повержен не в боевой схватке, а по своей трусости лишил себя жизни? И уж точно Гладиатор не покинет цирк через Триумфальную арку. И не покажет ли плебс своё брезгливое отношение к этому секутору и не завопит ли: смерть! смерть! Ничего не требуя для объяснений, только смерть! Подняв правую руку с жатым кулаком и свободным большим пальцем, указывающим на волеизъявление народа – смерть, если ты раб, не достоин жить рядом с нами.

Да! Но кто поднимет эту ловчую сеть, лежащую в пыли на арене?

Да кто угодно, если он гладиатор, а диктатор Сулла попросит тебя отомстить за галла – ретиария.

И секутор принял решение, приветствовать диктатора после самоубийства ретиария, как если бы тот погиб в схватке на арене от его руки в прославление знаменитого деятеля Рима.

– О Сулла, великий полководец, великий гражданин Рима, выдающийся политик и диктатор Средиземноморья и Ближнего Востока! Прими недостойную смерть этого человека за недоразумение, происшедшее у тебя на глазах. – Гладиатор с достоинством указал на лежащий труп на арене, к которому в это время подходили два служителя из рабов с баграми, на которых были нанизаны крючья. Рабы бесцеремонно перевернули труп на спину и зацепив галла в подмышки, волоком утащили его с арены, что бы бросить его голодным львам, чей рёв не прекращался в Колизее всё время, пока шли кровавые бои гладиаторов.

Сулла вздрогнул, возвращаясь к событиям на арене, старческая дремота, словно глубокий сон, не позволяли ему быть в реальностях праздничного дня вместе с народом Рима.

– Да ты, оказывается, презираешь такую смерть! Тогда катись с арены и не просто катись, а пробирайся отсюда выходом для плебеев и забудь о Триумфальной арке. Я не могу назвать тебя победителем! Убирайся долой с моих глаз! Какой ты победитель схватки, если дал избежать её трусу? Убирайся!

Под улюлюканье и свист Гладиатор покидал арену, а за его спиной рабы убирали с арены красавца галла баграми с крючьями – и за подмышки, ещё тёплого, ещё с неостывшей кровью бросили голодным львам.

Гладиатор здесь проснулся. Человек был он не пьющий, но вчера с самого полудня за кружкой пива его начало заносить в непонятную сторону на виду у своего давнего и верного друга.

Последнее время его часто постигали не только сны на яву, но и какие то видения, стоило только мыслью коснуться известного факта – а факт сразу представлялся ему в тишине во всех красках, какие только являлись ему под кружку крепкого пива и когда он объяснял его с гордо опущенной головой, спускаясь по трапу самолёта ИЛ-96—300ПУ во Внукове под неистовые аплодисменты встречающих.

6

Пусть он вспомнит себя, желторотого, завидущего и злопамятного с детства. И ужаснётся себе.

И в этом тихом, казалось бы, незлобивом хулиганстве с детских лет он был выдержанным мальчиком и казался скромным действительно, был тихим не по-детски, но с удивительной хитрой маской на лице – мордочкой тушканчика. Он мог без особого потрясения в душе увидеть убитую кошку на пыльной дороге и оставить эту смерть без особого сожаления. Удивительно? только это и удивляет. Не омерзительно ли!

Бледное ленинградское солнце грело землю под окнами дома и с трудом выгоняло на свет всходы из луковиц пионов и георгинов. Роз не садили, даже чайных – не приживались. А что расцветало своим цветом, махровые пионы и яркие с унылостью георгины, несли на рынок или куда поближе к магазинам, где людей всегда побольше и продавали молодым мамам для дочек и сыночков и бабушкам для внучат – поспеть к началу учебного года идти к звонку обременённым радостным удовольствием нести букет цветов учителю – как все.

Белобрысый мальчик, маленький и худенький лет восьми, свешивался из окна второго этажа дома по адресу Басков переулок дом 12 и вслушивался в разговор девочек чуть постарше – года на два, усевшихся в кружок под его окном в цветах, как в саду. Поначалу ему был интересен их разговор, но тут же, услышав нагромождение незнакомых ему слов как сшшшааа или ооон, он застыдился в непонимании и спрятался за марлеву занавеску от умных девочек, но слушать их не переставал, хотя и не понимал ничего в их разговоре. Но в это время небо над городом потемнело и девочки переменили разговор в тишине своего шёпота. Многие из них, а их было восемь – десять девочек пятиклассниц, верили в русалок, водяных, леших, кикимор, домовых, оборотней и не только верили, но некоторые из них всю эту нечисть буд то видели собственными глазами. И начали шептаться о них и верить, и бояться чего то. Но уже могли говорить о сшшша и ооон, не понимая, а что это? О чём это?

А над ними чернело опускающееся тучами небо, становилось всё ниже, клубилось и бежало не понятно куда, но всё несло над головой, грозно и мимо людей и всего города. И в этом беге и кружении чёрных туч вспыхивали голубые зарницы, бесшумно и ослепительно. Но гром не гремел и не пролилось ни капли дождя.

Но иногда, когда был особо доволен собой, спрашивал в ту пустоту, которая осталась позади:

– Что увидел во мне Сулла, что бы приблизить? Тот малиновый пиджак поверх белой водолазки? И тёмные очки? Что делало меня не отличимым от мафиози. Или скорее я был в этом одеянии мачо. И Сулла меня высмотрел в шестёрках у Спартака во всём этом попугайском наряде? Ему ведь тоже нужно было заметное окружение. Неужели? Ах, какая тишина, какое молчание установилось испокон веков на этой земле. А сейчас всех нас разделяет тягота немоты – и не страшно, и не тревожно. И ничего не жалеет Гладиатор, юрист и секутор, русский, окончивший юрфак Ленинградского университета, то ли ученик, то ли учитель самого Спартака..Но скорее просто грезил популярностью Спартака.

И в тяготах немоты оказались русские люди за что и возлюбил их господь и пока хранит их, как зеницу ока, покрывая невидимо своей дланью, что бы не узрели верующие скорби своей и печали от антихриста и не поверили бы, что антихрист царствует в родной земле. Пока хранит господь людей и землю. Пока.

Но! Пока ещё хранил господь Россию, Гладиатор был занят другим. Его обнажённый актёрский нерв подсказывал ему, что надо торопиться, надо успеть сказать побольше, потому что сценический триумф может в любой момент кончиться. Устанет публика, например. Потухнет свет. Или антрепренёр этого авангардистского театра вдруг уснёт и не проснётся к финалу. Много всяких пакостей поджидает вдохновенного артиста. Пока все они преодолены неожиданным успехом игры на рояле в защиту амурских тигров. К примеру. Или беспримерным полётом в стае стерхов. А о разводе с женой народ разве забыл? Кто старое помянет тому глаз вон. И не будем старое поминать. Старое и смешное.

Воспоминания отчасти похожи на собственные похороны, правда, после похорон кого то из родственников, или друзей, или просто уважаемых людей вегетативная нервная система всё-таки успокаивается. Но если воспоминания приходят словно неотвязный сон и ты проживаешь этот сон вживую ещё раз, то твоему успокоению не будет найдено оснований сказать: слава богу, это лишь сон меня будоражит и вгоняет в холодный пот. А в жизни то всё спокойно, все кризисы хоть и пронесутся ураганом, но не задели жестоко людей и не пролили крови ни капли. И ты спокоен как и прежде. И продолжаешь жить на белом свете, как у Христа за пазухой. Будем помнить об этом: воспоминания похожи на собственные похороны.

Тихо и спокойно было Гладиатору в зеленоватом сумраке бассейна, насыщенного бадужаном и многими другими парфюмами из дружеской Восточной Германии. К тому же под взглядом чеченца. Этот взгляд успокаивал А ещё на полке стояли кармазин (из той же Восточной Германии) и наши отчетвенные запахи – шипр, «Кармен», «Красный мак», тройной одеколон, «Красная Москва», «Серебристый ландыш». Ветвистые водоросли воспоминаний спрятали его от событий на Украине, разволновали и обеспокоили за дочерей и их семьи со всеми домочадцами. И ему было не важно, что дочерей на Украине нет, но они словно были там. И находились в плену, буд то бы.

Зато все эти склянки растрогали воспоминаниями и он оказался согретым пенной горячей водой, этими пузырьками из той жизни. Ему их подарила жена перед самым их разводом, который не угадаешь, если это скоротечный развод., готовящийся задолго до самого свершения ритуала. И вот, наконец то, его семья разродилась разводом – цивилизованным разводом. Во всеуслышании. На глазах Кремлёвского Концертного Зала.

Сколько было суждений!

– Это всё та же детская игра. Помнишь как была затеяна игра с лидером нации, вождем нации из президентского кресла. Он хотел быть и Президентом России и одновременно вождем нации. Вот теперь, стало быть, Николай Злобин фактически провозгласил его любимцем европейцев, как когда то Горбачёв добился такой похвалы, но за другие дела. Совсем за другие дела. И потихоньку, потихоньку подкрадывается наш любимец европейцев Гладиатор к королеве Англии Елизавете на торжественный приём в свою честь.

– Но для чего?

– Как я полагаю, что короли, цари и президенты, да ещё маленького роста люди, последними догадываются о том, что люди над ними смеются. Вот и выпячивают себя напоказ. Не помню, но кажется, мы с тобой уже говорили об этой черте Гладиатора нести людям беды и несчастья, выдавая их за твёрдость и смелость решений. Но достижение поставленных целей я не вижу, а только причины, встающие на пути. Если европейцам недостаёт твёрдости и смелости решений своих президентов, то я, думаю, россияне готовы отдать Гладиатора им в аренду. И поведёт наш Николай Злобин его за руку и представит: Гладиатор, персонаж, выдуманный в семье Суллы, императора Древнего Рима, не женат. Поскольку недавно разведён, в недавнем прошлом Директор ФСБ, преемник самого Суллы, помните о таком – это он выискал нашего малыша себе на замену. Ну, а там разберётесь, не понравится – россияне обратно не попросят.

– Но для чего всё это ему нужно?

Гладиатор с трудом разомкнул слипшиеся во сне глаза и с трудом приходил в себя. Трудно непьющему человеку переживать и преодолевать похмелье. Сейчас он не знал способа помочь себе. Знал кое что понаслышке, но хотелось точности, например, чем воспользоваться капустным рассолом или огуречным? Но сначала требуется лафетник водочки грамм приблизительно в 75, потом запить её рассолом, а уж после всей этой процедуры за кухонным столом выпить объёмную кружку хорошего крепкого чаю с неограниченным количеством лимонных долек. И лечь спать на 2—3 часа. Ведь знал же этот рецепт! Так чего же потянуло куда то? Сидел бы дома. Переживал бы свой отходняк один, забыв о себе в прошлом.

Нерон, Сулла, пожар Рима, Колизей, рабство, Гладиатор, жена по имени Кайя (не Людмила), горшечник Теренций – всё это я! А ещё меня ждёт не только Париж и его мушкетёры, Впрочем, мушкетёры – это что то легковесное и недостойное меня. Пройду мимо и не пожалею. Меня ждёт, если не Рюрик, то личности России вроде Иосифа Сталина или Петра Первого. Или... Тьфу ты, господи! Прости за неподобное! Ведь Екатерина влезает в меня и не спрашивает.

С этими возвышенными мыслями Гладиатор бросился туда, где ждало его восхищение и обожание – на площади и улицы Москвы, в политические клубы, в штаб квартиры политических партий и народных фронтов и даже в систему ресторанов и пивных заведений – но это уже с опаской как бы не завести ненужные знакомства. Или не встретить случайно самого Суллу, чего не хотелось бы.

И он вышел на дождь, что бы покинуть компанию пьяных неадекватных людей, и подумал, что он недостаточно плохо относится к власти. Наверное, потому, что он возвратился в старую свою жизнь, куда всем этим людям не было ходу. А он с лёгкостью снова очутился там.

Эти затраханые своим криминально-политическим божеством люди, могли молчать днём и ночью, как прикажут, или орать в безумстве своих встреч с его блеклой тенью, как попросят. И они старались, и не могли перестараться – столько было в них бессознательного старания. И никто не мог победить. Но все они, в конце концов, к концу своих стараний подавленно презирали себя, буд то собственными глазами увидели эту эпидемию лжи в этом бледном запуганном победами мире, парализованно взиравшим на бушевавшую эпидемию в стране.

– Вы воспитали наследственный ген лжи в гражданах! – кричал Вячеслав Хаскильевич Розенбаум, мой извечный друг какому то журналисту небольшого росточка, так желающего показаться присутствующим Владимиром Ильичём и так похожего на Владимира Соловьёва.

Сегодня за прошедшее десятилетие всем становится ясно, что наступило время маленьких сказочных существ, живущих в подземельях Кремля или Альпийских гор в образах чёрной курицы, к примеру, или гномов, эльфов, фей, гоблинов, живущих своей особой жизнью, которая не только воплощение человека играть определённую роль в спектакле жизни, но и воплощение гнусных качеств и характеристик.

– Вы открыли и воспитали наследственный ген лжи в гражданах России! – не отпускал свою тему редактор «Молодого коммуниста» из Сибири. И таскал за шиворот как половую тряпку по лужам после тёплого дождя, отключившегося после выпитого ещё не старого в дорогом костюме представительного, но не сейчас человека. Человек превращался в свинью и все веселились, глядя на эту трансформацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.